

Спектакль называется «Мастер и Маргарита». Но – ни знаменитого бала, ни Маргариты на метле, ни роскошной сцены в варьете.

Нижегородская публика раскололась на два лагеря. Одни предъявили режиссеру претензии по поводу отсутствия голый Маргариты, другие без слов осмысливали увиденное. Не то зрелище, от которого однозначно приходят в восторг. То, после которого плохо спят.

На сцене пирамида, пронзенная огромным деревянным крестом. Поперечина креста то превращается в больничный балкон, то в комнату Мастера. На кресте живут, вспоминают о любви, ведут разговоры с собой и с Богом. Никаких выиерзанных поз – режиссер оставляет актерам один инструмент – голос в диапазоне от шепота и дыхания до крика.

– Роман Григорьевич, для вас Булгаков и сегодня современник?

– Я думаю, жизнь этого человека саккумулировала в себе страдания всей страны, всей нации. Ту энергетику боли, которой был буквально пропитан период, называемый теперь тоталитаризмом. В его романе каждая строчка содержит такое количество шифров, магических кодов, что дай бог прочитать первую – первую! – страницу. Или эту вот строчку: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря...», которой

Белые сны

Роман Виктюк о своей новой работе в Нижнем Новгороде

он начинает главу о Понтии Пилате.

Когда я работал над спектаклем, мне стали сниться удивительные сны! Например, великая Алла Константиновна Тарасова, потом ее похороны – в белом гробу, не в красном, что по тем временам было – скандал! А она просила в своем завещании: чтоб ее похоронили не как государственного человека, имеющего все награды Советской страны, а – тихо, по всем православным законам... Я помню эти похороны, но почему это сейчас все приходит? Может быть, души тех, кто страдал и ушел, пеленой окутывают земной шар и есть в их страданиях, муках некая протяженность... И Булгаков – здесь, на земле, с нами. Он выполняет свою миссию и сегодня.

– И рукописи его не сгорели...

– Горят бумажки. А рукописи ведь не бумажки, не тексты. У Булгакова написано: когда Иван открыл чемоданчик, там был пепел. Но идеи, дух – неуничтожимы. И все это осталось. Как остались все идеи Мейерхольда, Таирова, как остался его замысел Гамлета. На бумаге это уничтожено, но в вечном разуме есть и ждет человека, который когда-то придет и – услы-

шит. Истина как раз в том, о чем говорит Иешуа в диалоге с Пилатом: что дух – вне знаков, вне языка даже, на котором человек пишет.

– Действие происходит на фоне пирамиды. Вы видите мир в такой форме?

– Универсальная модель мироздания! Если в центр пирамиды попадает актер с прозрачной, чистой нервной системой, он, хочет он того или нет, ощущает невероятный поток, идущий сверху. Этим, я слышал, лечить можно.

– Зритель должен успевать обо всем этом думать во время спектакля?

– А представьте: на планете семь метров костей от ушедших людей. Семь метров! Об этом вообще всегда нужно помнить! Жить – это значит готовиться к смерти. Есть пессимизм горизонтального ряда. Это ряд количественно-заменимых, общей коммуналки, в которой важны мебель, деньги, звания, карьера. Это все мы, идущие к смерти. И есть оптимизм вертикального ряда, уходящая вверх точка. Абсолют, от которого все исходит и к которому все тянется. Зритель должен почувствовать, что пирамиды ему не миновать.

Георгий АХАДОВ

– Те, кто уходит с вашего спектакля, вас не раздражают?

– Боже упаси! Это факт их биографии. И трагедия. Трагедия людей, которые «Мастера» не читали и не будут читать. Хотя, возможно, книга у них стоит в книжном шкафу. Ну потому что они слышали такое слово: Булгаков. Как вот они слышали: если «Версаче», то это хорошо. А это буквы, которые составляют другое мировоззрение. Не горизонтального ряда. Понимаете меня? И он, Булгаков, избиратель-лен. Не для всех, он иногда сам кого-то отторгает.

– Почему вы выбрали именно Нижний Новгород?

– Но это не от нас зависит! Все неслучайно. Это земля, которая

требует, чтобы ее оросили слезы этого писателя и человека. Она у-сну-ла. От бездумности. От серости. Начиная с воплей, с неумения общаться между собой, с детьми. Такая нелюбовь к себе и ненависть к окружающим! Ну да, я говорю о Нижнем, но то же и в Москве. Чего добивались коммунисты и что им удалось: в человеке придушить человека.

Только средствами театра можно попытаться – хотя бы! – заставить людей проснуться. Этим магическим, колдовским действием. Я не могу сказать, что я этим владею. Но я пытаюсь.

*Беседовала Елена ЧЕРНОВА
Нижний Новгород*

Возврат сценария – 2001. – 1-7 марта. – с. 14